

А.П. Сальков

СССР и проблема выхода Болгарии к Эгейскому морю на Парижской мирной конференции 1946 г.

С началом советско-германской войны проблема Западной Фракии (с портом Дедеагач), обладание которой давало ставшей враждебной Болгарии выход в Эгейское море (получен в апреле 1941 г. путем участия в германской агрессии против Греции), приобрела новое значение. В ходе визита главы Форин Офис А. Идена в Москву 16–20 декабря 1941 г. В.И. Сталин предложил схему реорганизации европейских границ после войны, заложив жесткое отношение к Болгарии: для нее «... совершенно достаточно иметь один морской порт в виде Варны» [1]. В концептуальной записке зам. наркома иностранных дел И.М. Майского по вопросам послевоенного устройства от 10 января 1944 г. указывалось, что Болгария должна вернуть Греции аннексированные у нее земли, «за исключением, может быть, Дедеагача, ибо удержание Болгарией Дедеагача могло бы представлять интерес для СССР». Дипломатическая же активность Москвы на арабском Ближнем Востоке «плюс пакты взаимопомощи с балканскими странами (особенно, если Болгарии удастся сохранить за собой Дедеагач) явились бы выходом СССР к Средиземному морю в обход Турции и проливов» [2].

В октябре 1944 г. в Москве на встречах Сталина с У. Черчиллем было заключено вербальное «процентное соглашение» о границах и объеме «сфер влияния» на Балканах (Греция была в сфере Запада) [3]. Советский лидер разделял английскую предвзятость: «Болгарию, конечно, нужно наказать». Венцом антиболгарской риторики стало заявление В.М. Молотова: «За свое поведение в войне Болгария не будет иметь доступа к Средиземному морю» [4]. 28 октября было заключено Соглашение о перемирии с Болгарией, которое обусловило вывод болгарских войск из Западной Фракии и аннулирование всех законов об аннексии края [5]. В Комиссии по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства при НКВД СССР (Комиссия Литвинова) 15 ноября была завершена разработка масштабной справки «О перспективах и возможной базе советско-британского сотрудничества». В ней меланхолично замечалось, что Англия признает влияние СССР в Болгарии, «стремясь лишь к тому, чтобы никому не уступить контроля над выходом из Балкан в Эгейское и Адриатическое моря». Поэтому Англия, вероятно, будет «противиться предоставлению Болгарии выхода к Эгейскому морю» [6].

В рабочей карандашной записи Молотова о «зонах действия» советских и англо-американских войск (не позднее 4 января 1945 г.) отразилось устоявшееся в советском руководстве отношение к Греции как к «чужой» территории» [7]. Английские войска, еще в начале октября высадившиеся в Греции, принялись подавлять там народно-демократическую революцию. 19 января 1945 г. в беседе с Г. Димитровым Сталин так отозвался об этих обстоятельствах: «Я советовал, чтобы в Греции не затевали эту борьбу. Люди ЭЛАС... принялись за дело, для которого у них сил не хватает. Видимо они рассчитывали, что Красная Армия спустится до Эгейского моря. Мы этого не можем делать. Мы не можем посылать в Грецию свои войска. Греки совершили глупость» [8].

После окончания войны СССР резко поменял свою позицию и всячески поддержал на I–III сессиях Совета Министров Иностраных Дел (СМИД) и Парижской мирной конференции 1946 г. претензии Болгарии на предоставление ей выхода в Эгейское море. В Объяснительной записке от 1 сентября 1945 г. к Основным положениям проекта Мирного договора с Болгарией, подготовленного для I сессии СМИД (Лондон, 11 сентября – 2 октября 1945 г.), Литвинов предлагал сохранить довоенную болгаро-греческую границу с рядом изменений. Для получения Болгарией выхода к Эгейскому морю ей должна быть возвращена часть Западной Фракии («которую мы намечаем к передаче Болгарии») – полосу шириной 30–50 км к западу от р. Марицы, с тем, чтобы вся железная дорога Свиленград–Дедеагач находилась в пределах Болгарии. При этом Литвинов понимал, что главным возражением Греции и Англии будет недопустимость приращения страны-участницы фашистского блока за счет страны-члена антигитлеровской коалиции [6, ф. 0431/I, оп. 1, п. 7, д. 40, л. 33, 37, 39].

На проходившем параллельно совещании зам. министров иностранных дел (Лондон–Париж, 31 августа 1945 г. – 15 июля 1946 г.) Англия предложила 2 апреля 1946 г. восстановить довоенную болгаро-греческую границу. Газета «Правда» опубликовала 28 апреля статью об эгейских чаяниях Болгарии, которая в апреле и июне направила в СМИД свои меморандумы с упоминанием Западной Фракии. Так официально был поставлен вопрос о ее возвращении Болгарии. На II сессии СМИД (Париж, 25 апреля – 7 мая и 15 июня – 12 августа 1946 г.) советская делегация высказала 7 мая сомнение в целесообразности статьи о границах в Мирном договоре с Болгарией, мотивируя это тем, что СССР (как и США) не принимал участия в определении версальских границ и не считает справедливой болгаро-греческую границу. Однако британская делегация подтвердила свою позицию от 2 апреля, а американская – внесла официальное предложение о довоенной границе двух стран с примечанием о ее предварительном характере. (Отдел Балканских стран НКВД 19 июля счел границу как «условно принятую») [6, ф. 0431/II, оп. 2, п. 5, д. 24, л. 3; ф. 0431/III, оп. 2, п. 1, д. 1, л. 199–201; оп. 3, п. 3, д. 16, л. 15–16; ф. 074, оп. 35, п. 126, д. 16, л. 90].

Парижская мирная конференция (ПМК) (29 июля – 15 октября 1946 г.) заслушала 14 августа министра иностранных дел Болгарии и премьер-министра Греции, каждый из них сделал обширный исторический экскурс и привел аргументы в свою пользу. Г. Кулишев апеллировал к участию Болгарии в войне с Германией, непомерном размере репараций в пользу Греции (при том, что СССР, США и Англия отказались от них), непричастности болгарской армии к разрушениям в оккупированной ими Западной Фракии (так как она рассматривалась как район, отходящий к Болгарии), невозможности реализовать принцип экономического выхода к морю. Основываясь на этом, а также этнической и исторической аргументации, Болгария просила вернуть ей Западную Фракию, обеспечив территориальный выход к Эгейскому морю. К. Цалдарис делал упор на миролюбии Греции, еще в 1920-е гг. отказавшейся от «Великой идеи», экспансионизме Болгарии («три агрессии с севера» – 1912–1913, 1916–1919 и 1941–1944 гг.), запоздалом разрыве Болгарии с Германией (лишь «подчиняясь необходимости», когда советские войска уже были в Варне и Руссике), состоявшемся расширении ее территории (подтверждение в проекте Мирного договора присоединения Южной Добруджи, полученной в сентябре 1940 г. «из рук Гитлера»). Все это увенчивалось выводом: «Вражеская страна пришла на конференцию, чтобы изложить территориальные требования к союзной стране, жертве агрессии держав оси... Положение стран-агрессоров не должно оказаться лучше, чем положение их жертв» и

подготавливало официальное выдвижение Грецией встречных территориальных претензий к Болгарии, обсуждавшихся в кулуарах. Западные представители Дж. Бирнс (США) и Х. Александер (Великобритания) поддержали позицию Греции [6, ф. 432, оп. 1, п. 1, д. 2, л. 103–110, 119–130, 173, 198].

21 августа 1946 г. были выработаны «Предложения о позиции советской делегации на мирной конференции по вопросу о Западной Фракии и выходе Болгарии к Эгейскому морю». (В числе разработчиков – министр иностранных дел БССР К.В. Киселев). В документе положительно оценивался проект интернационализации края (к чему проявляла интерес и делегация США), имевший больше шансов на успех, чем простая передача под болгарский суверенитет. Предлагалось, в случае если американцы не намерены выступить с таким предложением, поручить это сделать белорусской делегации. Однако 2 сентября Болгария внесла на рассмотрение рабочего органа ПМК – Комиссии по политическим и территориальным вопросам для Болгарии (председатель комиссии – К.В. Киселев, член – белорусский дипломат А.Г. Бондарь) – поправку к ст. 1 Мирного договора с границей по линии Бухарестского мира (10 августа 1913), т.е. с Западной Фракией в составе Болгарии. Встречная греческая поправка 7 сентября конструировала совершенно новую болгаро-греческую границу, сильно отодвинутую на север по линии: Пирин Планина – гора Родоп (Доспат Дар) – Крлен Балкан – хребет Беш Тепе с долиной р. Арда. Это означало, как следовало из заявления советской делегации, греческие претензии на 10% болгарской территории с границей в 95 км от Софии и 35 км от Пловдива. В заявлении указывалось, что подобные претензии заставляют «тщательно разобраться» с болгарскими предложениями о возврате Западной Фракии, которая «оказалась оторванной от хинтерланда и стала нежизнеспособным придатком Греции», и устранить историческую несправедливость. Тем более, что Греция восстановила свои исторические права на Додеканезские о-ва (в межвоенный период были оккупированы Италией) и у Болгарии «тоже есть основания поставить вопрос о полноценном выходе к Эгейскому морю, потерянном 27 лет назад» [6, ф. 06, оп. 8-6, п. 80, д. 166, л. 1–4, 7–8; ф. 432, оп. 18, п. 18, д. 47, л. 2, 20–25, 52–54, 71].

Запад осознавал нереальность греческих требований, но использовал их для обострения полемики. Советские же делегации уже не ставили проблему интернационализации края, а настаивали на его присоединении к Болгарии. Югославия заявила о резервировании права поставить вопрос о греческой Македонии, дававшей Белграду выход к Эгейскому морю. США дезавуировали свою версальскую позицию в поддержку прав Болгарии на Западную Фракию, заявив, что с 1924 г. (после обмена населением в крае) никогда этой позиции не придерживались. Оба лагеря намеренно затягивали обсуждение вопроса в Комиссии по Болгарии. Когда Киселев допустил ускорение работы, он был 7 сентября «поправлен» Молотовым. Словесная дуэль становилась частью пропагандистской войны [9].

Комиссия по Болгарии после долгого обсуждения самой возможности принятия греческой поправки от 7 сентября к обсуждению, так как она поступила позже установленного срока, передала поправку для консультаций в Военную комиссию ПМК. Там Греция, исходя из стратегических соображений безопасности (просила не плодородные земли или месторождения, а горные хребты), предложила три линии границы, оставляя выбор за Военной комиссией. В итоге Греция согласилась на минимальный вариант, по которому к ней переходило 2 тыс. кв. км с 40 тыс. жителей. Эта потеря Болгарии, по мнению Афин, была бы «широко компенсирована приобретением Добруджи (7 тыс. кв. км и 360 тыс. жителей)». Однако вскоре было принято процедурное решение, что греческая поправка не соответствует профилю Военной комиссии, и поправка возвратилась в Комиссию

по Болгарии. На данном этапе БССР вновь оказала Болгарии значительную поддержку, внося поправку в преамбулу Мирного договора с Болгарией о признании последней совоюющей страной, но поправка была отклонена [6, ф. 425, оп. 1, п. 2, д. 4, л. 122, 138, 163].

12 сентября были разработаны новые «Предложения о позиции советской делегации при дальнейшем обсуждении ст. 1 проекта Мирного договора с Болгарией» (с участием Киселева). В документе был запланирован фактический отказ от дальнейшей борьбы, и даже готовность исключить американское примечание к ст. 1 о предварительном характере довоенной границы. Однако и такое решение означало, что СССР и его союзникам удалось бы избавить Болгарию от угрозы «третьей национальной катастрофы» (две первые были связаны с территориальными потерями, в том числе и Западной Фракии, в результате второй Балканской в 1913 г. и первой мировой войн). После долгих дискуссий Комиссия по Болгарии отклонила греческую поправку (болгарская на обсуждение не вносилась). Однако пленарное заседание ПМК не смогло провести решение о сохранении довоенной болгаро-греческой границы (за – 9, в том числе СССР, БССР, УССР, США, Франция; воздержалось – 12, в том числе Греция, Англия и ее доминионы). Вопрос о южной границе Болгарии остался открытым [6, ф. 0431/III, оп. 3, п. 3, д. 16, л. 17; ф. 06, оп. 8-6, п. 80, д. 166, л. 5–6].

Его обсуждение показало, что США рассматривали Восточное Средиземноморье как область своих национальных интересов, где должна быть устранена опасность установления советского контроля (эти положения позднее вошли в «доктрину Трумэна») и оттеснен британский союзник. Советская дипломатия осознала это. Посол СССР в Нью-Йорке Н.В. Новиков (в 1943–1945 гг. – посол при правительствах Греции и Югославии в Каире, участник ПМК) по поручению Молотова спешно разработал справку о внешней политике США от 27 сентября, считая наркома своим «безымянным соавтором». В ней отмечалось, что базирование американского ВМФ в ряде пунктов Средиземного моря (Триест, Палестина, Греция, Турция) будет означать «возникновение новой угрозы для безопасности южных районов Советского Союза» [10, 11]. Тактика советских делегаций на ПМК заключалась в использовании территориальных проблем в интересах получения выгоды для себя и своих союзников, а также максимального ослабления Греции как союзницы Англии.

Завершение интриги вокруг Западной Фракии произошло на III сессии СМВД (Нью-Йорк, 4 ноября – 12 декабря 1946 г.). София не теряла надежд. На имя Молотова в Нью-Йорк пришла резолюция Учредительного собрания Болгарии, подписанная В. Коларовым, в которой выражалась надежда не только на гарантию существующих границ, но и на возвращение Западной Фракии. В греческом меморандуме от 3 ноября повторялись военно-стратегические аргументы «исправления границы» для лучшей обороны северных провинций. Однако признавалось, что на ПМК они встретили «очень сильное сопротивление», поэтому Греция «считает себя вынужденной согласиться с линией границы, значительно более близкой к старой границе». Эта линия была предложена Англией еще 28 сентября на заседании Военной комиссии ПМК. Она предусматривала включение в греческую территорию в Восточной Македонии районов горной высоты Белес (200 кв. км, 10 тыс. чел.) и горного массива Али Бутус (150 кв. км, 5 тыс. чел.), за исключением города Петрич; в Западной Фракии – части Южных Родоп в районе стратегической дороги Ксанти – Комотины, а именно: зоны Ксанти (75 кв. км, 5 тыс. чел.) и зоны Комотины (450 кв. км, 25 тыс. чел.), даже за исключением города Даридере (Златограда). Греция считала, что эти четыре зоны дали бы ей «очень ограниченное удовлетворение ее законных требований безопасности» и повлекли бы для Болгарии уступки, «не имеющие никакого значения и полно-

стью компенсирuемые получением Южной Добруджи» [6, ф. 0431/III, оп. 3, п. 3, д. 16, л. 1–2, 108–109]. Большая часть жителей двух западнофракийских зон (25 тыс. из 30 тыс. чел.) являлись помаками (болгаромагометанами). Это особая этническая общность – потомки болгар-христиан, принявших ислам, но сохранивших болгарский менталитет, язык и культуру, которые дистанцировались и от болгар (по вере) и от турок (по языку) [12].

В ответном болгарском меморандуме 11 ноября отмечалось «странное положение» по поводу голосования ст. 1 Мирного договора с Болгарией на ПМК и выражалась надежда, что СМВД вновь отклонит греческие претензии, пересмотрит решение ПМК и удовлетворит требование Болгарии о выходе к Эгейскому морю. Болгары считали, что «скорее соображения политического удобства, а не возражения по существу вопроса» помешали ПМК принять такое решение [6, ф. 0431/III, оп. 3, п. 3, д. 16, л. 113]. III сессия СМВД, созванная для окончательного согласования текстов мирных договоров с сателлитами Германии, отклонила взаимные болгарские и греческие претензии. Мирный договор с Болгарией от 10 февраля 1947 г. гласил, что ее границы «будут такими, как они существовали на 1 января 1941 г.» [13]. Болгария и СССР не смогли получить через Западную Фракию выход в Восточное Средиземноморье, имевший геополитическое значение в условиях формирующейся блоковой системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Документы внешней политики. 22 июня 1941 – 1 января 1942.* Т. XXIV. – М., 2000. – Док. 328. – С. 502.
2. *СССР и германский вопрос. 1941–1949.* Документы из Архива внешней политики РФ: в 4 т. – Т. 1: 22 июня 1941 г. – 8 мая 1945 г. – М., 1996. – Док. 79. – С. 333, 346–347.
3. *Сальков А.П.* «Процентное соглашение» Черчилля – Сталина (октябрь 1944 г.) и проблема Западной Фракии // *Весник Беларускага дзяржаўнага універсітэта*, серия 3, 2005, № 2.
4. *Ржевский О.А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941–1945. – М., 2004. – Док. 161. – С. 423. – Док. 162. – С. 434.
5. *Советско-болгарские отношения. 1944–1948 гг.* Документы и материалы. – М., 1969. – Док. 10. – С. 22. – Док. 12. – С. 24. – Док. 17. – С. 38.
6. *Архив внешней политики РФ (АВП РФ)*, ф. 06, оп. 6, п. 14, д. 149, л. 23.
7. *Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг.:* в 2 т. – Т. 1: 1944–1948 гг. – М. – Новосибирск, 1997. – Док. 36. – С. 117–118.
8. *Димитров Г.* Дневник, март 1933 – февруари 1949. Избрано. – София, 2003. – С. 238.
9. *Смирнова Н.Д.* «Греческий вопрос» на Парижской мирной конференции // Сталин и холодная война. – М., 1997. – С. 13–15.
10. *Советско-американские отношения. 1945–1948.* Документы. – М., 2004. – Док. 138. – С. 317.
11. *Новиков Н.В.* Воспоминания дипломата. Записки 1938–1947 гг. – М., 1989. – С. 353.
12. *Маркова Л.В.* Болгары-мусульмане (помаки) // Этнические меньшинства в современной Европе. – М., 1997. – С. 131–134.
13. *Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами.* Вып. XIII. – М., 1956. – Док. 513. – С. 27.

S U M M A R Y

This article analyses the issue of Bulgaria's access to the Aegean Sea and the USSR's stand on this matter at the Peace Conference in Paris in 1946. Sharp contradictions and discussions between the Great Powers concerning Western Frakia and access to the northern coast of the Aegean Sea are shown.

Поступила в редакцию 16.02.2005